

Индекс УДК 904
Код ГРНТИ 03.23.23, 6.31**А.А. ЗАЛИЗНЯК,
В.Л. ЯНИН***

Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.)

В статье описывается и анализируется сенсационная находка Новгородской археологической экспедиции 2000 г.: самая ранняя из дошедших до нас книг Древней Руси и самая ранняя из удовлетворительно датированных славянских книг — Новгородская псалтырь, написанная на трёх покрытых воском дощечках. Книга датируется последними годами X – первым двадцатилетием XI в. Делается два важных вывода: родным языком писца был древнерусский; в тексте ощутимо влияние апокрифической литературы.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древний кодекс, липовые дощечки, письмо по воску, cera, писало, радиоуглеродный анализ, церковнославянский язык русского извода, одноеровая графическая система, палеография, ритуальные формулы, варианты перевода, связь с язычеством, апокрифическая литература

Ежегодно открываемые в процессе раскопок древности Великого Новгорода не перестают поражать воображение. Новгородская археологическая экспедиция, основанная А.В. Арциховским в 1932 г., работает почти семьдесят лет, но не было полевого сезона, результаты которого не ставили бы новые, подчас совершенно неожиданные проблемы. С момента обнаружения первых берестяных грамот в 1931 г. расшире-

ние научной программы экспедиционных работ стало базироваться на нерасторжимом единстве вещественных и письменных источников. Среди последних — вновь открываемые берестяные тексты, которые персонифицировали исследуемые жилые комплексы X–XV вв., открыв исследователям имена их владельцев и прочих жителей древних усадеб.

Начиная с 1973 г. раскопочные работы были сосредоточены в Людином конце

* **Зализняк Андрей Анатольевич** — академик РАН, доктор филологических наук.

Янин Валентин Лаврентьевич — академик РАН, доктор исторических наук, один из инициаторов создания РГНФ, член совета РГНФ (1996–2003), награждён Большой Золотой медалью им. М.В. Ломоносова РАН.

Софийской стороны, на раскопе, получившем название «Троицкого» по расположению по соседству средневековой церкви. К концу полевого сезона 2000 г. исследованная площадь этого раскопа превысила 6000 кв. м. Здесь были вскрыты многоярусные мостовые трёх древних улиц — Черницыной, Пробойной и Ярышевой — и исследованы древности четырнадцати усадеб. В последние шесть лет главным объектом исследования стала усадьба «Е» (руководит этими работами А.Н. Сорокин), резко отличающаяся от соседних дворов громадными размерами. Она имеет площадь около 1200 кв. м, что вдвое, а порой и втрое превосходит площадь соседних весьма элитарных усадеб. Раскопками 1998 и 1999 гг. было выяснено, что усадьба «Е» имела не жилое, а общественное назначение. Во второй — четвёртой четвертях XII в. здесь размещался «сместной» суд князя и посадника (см. «Вестник РАН», 1999, т. 69, № 7), а во второй трети XI — первой четверти XII в. усадьба «Е» служила местом, куда стекались государственные доходы Новгорода и где они распределялись по принадлежности статьям бюджета (см. «Вестник РАН», 2000, т. 70, № 8).

Сезон 2000 г. начался приятной неожиданностью. В слое первой трети XI в. был обнаружен небольшой лист бересты, на обеих сторонах которого процарапаны изображения человеческих фигур. Изображение на одной стороне опознаётся как образ Иисуса Христа. Фигура на другой стороне обозначена хорошо читаемой надписью «Варвара» и стоящей перед ней буквой «а» в кружке, что является привычным сокращением греческого слова «святой». Образ св. Варвары передан в полном соответствии с канонem: святая в короне держит в руке мученический крест.

Находка сразу же породила проблему. Усадьба «Е», на которой она была обнаружена, находится на древней Черницыной улице, которая получила своё название от некогда расположенного на ней девичьего монастыря св. Варвары. Разумеется, в первой трети XI в. никакого монасты-

ря здесь быть ещё не могло: самые ранние монастыри на Руси возникают лишь во второй половине XI в., а новгородский Варварин монастырь впервые упомянут в летописи под 1138 г., т.е. более чем на сто лет позднее нашей находки. Оказывается, св. Варвара особенно почиталась на славянском побережье южной Балтики, а именно оттуда в Новгород пришли первые славянские поселенцы, потомки которых и в дальнейшем не теряли связей со своей прародиной. Св. Варвару считали покровительницей рыбаков и мореходов. Отметим, что в тех слоях, в которых обнаружена эта находка, предметы, связанные с рыболовством, встречены в изобилии.

И ещё одна любопытная деталь. Под изображением св. Варвары на бересте процарапана дата, читаемая как 6537 год (от сотворения мира), что соответствует 1029 г. н.э. Первая, третья и четвёртая цифры переданы славянскими знаками, а вторая, по предположению С.Г. Болотова, — латинским знаком. Значит, изображал св. Варвару человек, который затруднился передать обозначающую 500 цифру по-славянски, но знал, как её пишут в соответствии с западной традицией. Можно полагать, что принесённое в Людин конец Новгорода из южной Балтики почитание св. Варвары оказалось столь прочным, что спустя несколько десятилетий после 1029 г. в её честь именно здесь был основан монастырь.

Но главное событие сезона было впереди. 13 июля 2000 г. на Троицком XII раскопе из напластований I четверти XI в. была извлечена уникальная находка — древняя книга (кодекс) с текстом, написанным по воску. Кодекс представляет собой так называемый триптих: он состоит из трёх деревянных (липовых) дощечек размером 19×15×1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15×11,5 см), залитое воском; средняя дощечка имеет такие углубления с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы (так называемые церы). Внешние стороны первой и последней дощечек играют

роль «обложек» кодекса. Дощечки имеют на краях отверстия, в которые вставлены деревянные штыри для соединения их в единый комплект.

Хорошо известно, что церы — навощённые деревянные таблетки — широко употреблялись для письма в Древних Греции и Риме, а также в средневековой Западной Европе. Иногда соединялись в «кодекс» пять и более дощечек, образуя «полиптих», но чаще бытовали, как и в нашем случае, соединения трёх дощечек — «триптихи». Орудием письма на церax служили «стилосы» — металлические или костяные стержни, заострённые для писания по воску на одном конце и снабжённые плоской лопаточкой для стирания написанного — на другом. Иногда (в Италии, Румынии, Германии, Польше и других странах) находили кодексы с сохранившимся на воске текстом.

Что касается средневековой Руси, то в литературе долгое время существовало высказанное в 1928 г. мнение крупнейшего палеографа академика Е.Ф. Карского о том, что Русь не знала письма по воску. Это мнение стало сомнительным после многочисленных находок в Новгороде и других древнерусских городах «стилосов» (они на Руси назывались писалами). Такие инструменты (их в одном только Новгороде найдено около 250) имеют обязательную лопаточку, бесполезную для берестяного письма. Когда же стали находиться в новгородских раскопках и сами церы, стала окончательно ясна ошибочность мнения маститого палеографа. Всего до 2000 г. было найдено 12 цер, некоторые из них на обороте и на бортиках снабжены азбукой, что указывает на их использование в обучении письму. На одной церe сохранились остатки воска с фрагментами написанного. Все прежние находки имеют небольшой размер, будучи подобиями позднейших записных книжек (см.: Рыбина Е.А. Церы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1994. Вып. 8).

К сожалению, кодекс в момент находки получил повреждение. Уже начатая и ныне

продолжающаяся работа по его реставрации должна вернуть его к состоянию, близкому к первоначальному. Исключительная сложность реставрации в данном случае связана прежде всего с тем, что невозможно сохранить оба элемента кодекса — дерево и воск, предварительно их не разделив.

Дело в том, что сохранность кодекса, пролежавшего в земле около тысячи лет, обеспечена тем, что его дощечки насквозь пропитаны влагой, в силу чего к ним не было доступа воздуха и, следовательно, отсутствовали условия жизнедеятельности микроорганизмов, вызывающих процессы гниения. Опыт стабилизации мокрой древесины древних деревянных изделий диктует использование полиэтиленгликолей для замещения вытесняемой ими влаги — процедура, требующая длительного использования термостатов и противопоказанная одновременной сохранности воскового покрытия цер. В мировой реставрационной практике задача, вставшая перед экспедицией, была беспрецедентной. И величайшим счастьем стало согласие В.И. Поветкина после долгих и мучительных колебаний приступить к операции предварительного перенесения воска новгородских цер на другую основу. В.И. Поветкин, художник и скульптор, обладающий золотыми руками и многолетним опытом восстановления древних новгородских музыкальных инструментов по их ископаемым остаткам, добился в реставрации цер несомненного успеха.

Датировка кодекса определяется в первую очередь тем, что он лежал в полуметре от края и на 30 см ниже сруба, получившего надёжную дендрохронологическую дату: 1036 год. Средняя скорость нарастания культурного слоя в Новгороде — около 1 см в год. Таким образом, наиболее вероятное время попадания кодекса в землю — первые 15–20 лет XI в. Для повышения надёжности эти рамки следует слегка расширить; это даёт нам интервал: последние годы X — первое двадцатилетие XI в.

Понятно, что дата создания кодекса старше даты его потери, но, к сожалению, неизвестно, сколь велик был этот интервал.

Нижней хронологической границей создания кодекса разумно считать крещение Руси в 988 г. О том, почему ещё более ранняя датировка маловероятна, см. отдельно ниже.

В октябре 2000 г. в лаборатории им. Ангстрема отделения ионной физики университета Упсалы И. Посснерт произвёл радиоуглеродный анализ воска из данного кодекса. Основные результаты таковы. Датирующий интервал, вычисленный: 1) с надёжностью 68,2%: 860–1010 гг.; 2) с надёжностью 95,4%: 760–1030 гг. Эти результаты вполне совместимы со стратиграфическими данными и в особенности ценны для подтверждения верхних хронологических границ находки. В частности, они показывают, что в уже известном нам интервале между 988 г. (крещением Руси) и 1036 г. (абсолютной верхней границей находки) для датировки кодекса безусловно предпочтительна первая половина. Разумеется, следует учитывать, что между моментом «рождения» воска (который улавливается радиоуглеродным анализом) и моментом его использования в кодексе в принципе могло пройти значительное время. Возможно, именно с этим обстоятельством связан тот факт, что радиоуглеродный анализ указывает на X, а не на XI в. как на наиболее вероятное время «рождения» нашего воска.

Таким образом, найдена древнейшая ныне известная книга Древней Руси. Она как минимум на несколько десятилетий старше, чем самая ранняя датированная книга Древней Руси — Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. Правда, некоторые не датированные книги Руси, традиционно относимые к XI в., как иногда предполагают, могут быть и несколько старше Остромирова Евангелия, но к столь раннему времени, как новонайденный кодекс, ни одну из них не относят даже гипотетически.

Следует учитывать, что Остромирово Евангелие — самая ранняя точно датированная книга не только Руси, но и всего

славянского мира. Ни одна из старославянских книг не имеет даты в тексте. Все они датируются лишь по косвенным данным (палеографическим и лингвистическим) — обычно лишь с точностью до столетия. В частности, самые древние старославянские книги, писанные кириллицей, — Супрасльский кодекс и Саввина книга, традиционно датируются XI в., но даже и столь широкую датировку нельзя считать вполне гарантированной.

Понятно, сколь ценно то, что новонайденный кодекс имеет гораздо более узкую дату — порядка четверти века. И эта дата такова, что наш кодекс оказывается самой ранней славянской книгой с относительно узкой датой. Более ранними славянскими датированными документами являются лишь некоторые древнеболгарские надписи X в., но надписи — это существенно иная категория письменных памятников.

Основной текст кодекса состоит из двух псалмов: 75 и 76 (по традиционной православной нумерации). Перед нами — часть псалтыри, а именно заключительные псалмы 10-й кафизмы.

Мы предлагаем именовать новонайденный памятник Новгородской псалтырью — подобно тому, как существуют, например, Синайская псалтырь или Болонская псалтырь (конечно, кодекс содержит не всю псалтырь, а лишь несколько псалмов, но таковы же и некоторые другие древние псалтыри, скажем, Евгениевская) (ил.).

То, что древнейшей ныне известной книгой Руси оказалась именно псалтырь, со статистической точки зрения неудивительно. В Древней Руси псалтырь была самой распространённой из всех книг. Она служила не только для чтения и для литургии, но и для обучения грамоте. Именно по ней из века в век одно поколение русских людей за другим училось читать (а у старообрядцев этот обычай сохраняется и поныне). Многие знали псалтырь целиком наизусть, а отдельные псалмы помнил едва ли не каждый.

В кодексе текст псалма 76 заканчивается немного ниже середины четвёртой страни-

цы. Далее идёт пустое пространство в 4–5 строк со следами затёртого текста, после чего следуют 6 строк из псалма 67 (из стихов 4–6).

Вопрос о том, какую роль играли в кодексе строки из псалма 67, на первом этапе изучения памятника оставался неясным. Можно было предполагать, в частности, что эти строки составляли часть заключающей кафизму молитвы, но было непонятно, почему они начинаются с полуфразы. Разгадка пришла позднее, когда удалось установить, что затёртый текст — это предшествующие стихи того же псалма 67. При этом, однако, начало этого псалма оказалось под нынешним текстом псалма 76. Тем самым выяснилось, что нынешний текст написан поверх затёртого прежнего текста, содержавшего псалом 67 (и предшествующие ему). Последний отрезок прежнего текста писец оставил нестёртым: для его новой записи «расчищенного» места уже хватало.

Это значит, что писец не рассматривал данный кодекс как окончательно изготовленную книгу, которую остаётся лишь поставить на полку. Это была для него как бы книга «с бегущим текстом», функциональный аналог грифельной доски.

Может быть, перед нами просто учебнические упражнения, состоявшие в том, чтобы последовательно списывать одну часть псалтыри за другой? Но такая версия должна быть немедленно отвергнута: почерк и весь характер письма неоспоримо свидетельствуют о том, что его писал опытный мастер. Его рука безупречно тверда, каждая буква имеет чрезвычайно устойчивое начертание, почти как в печатных книгах — это первейший признак каллиграфического мастерства. Таким об-

Ил. «Страница» Новгородской псалтыри

разом, если перед нами инструмент учебного процесса, то он писан рукой учителя.

Естественно предположить, что это был южнославянский книжник, прибывший на Русь, ещё совсем недавно принявшую христианство, с миссионерской целью.

Однако тщательное изучение написанного им текста приводит к неожиданному выводу: писал не болгарин и не серб, а русский¹! Этот вывод вытекает из того, что, списывая со старославянского оригинала, писец Новгородской псалтыри, несмотря на высокую тщательность его работы, всё же допустил несколько ошибок, причём таких, которые мог сделать только человек, чьим родным языком был древнерусский. Так, вместо стоявшего

¹ Разумеется, в широком смысле этого термина, охватывающем в применении к древней эпохе всех восточных славян.

в оригинале **орѣжнѣ**, где буква **ѣ** передаёт свойственный древнеболгарскому языку звук [q] (носовое о, как во французском *bon*), он написал **ороуѣжнѣ**, где **оу** передаёт звук [y] — такой же, как в современном русском слове *оружие*; аналогичным образом, например, вместо **сѣмѣтишасѣ** ‘смутились’ он написал **сѣмоуѣтишасѣ**. Далее, например, вместо **твоѣа** ‘твой’ (жен. род), где буква **ѣа** передаёт [jɛ] ([j] + носовое е, как во французском *bien*), он написал **твоѣа**, где **ѣа** передает [ja]. Причина здесь в том, что в древнерусском языке конца X – начала XI в. уже не было носовых гласных. Праславянские носовые гласные к этому времени в древнерусском языке уже изменились, а именно, [o] дало [y], а [k] дало [a] (со смягчением предшествующей согласной). Между тем в южнославянских языках той эпохи носовые гласные в одних случаях просто сохранялись, в других изменялись, но иначе, чем в древнерусском. Приведённые написания — это просто запись живого русского произношения соответствующих слов. Разумеется, с точки зрения писца это были именно ошибки, результат временного ослабления внимания — как, скажем, написание *гара* вместо *гора* в наше время; поэтому они встречаются лишь изредка, на фоне в целом орфографически правильного распределения соответствующих букв.

Заметим, что точно такое же sporadическое смешение букв для носовых и неносовых гласных наблюдается в Остромировом Евангелии и других древнейших рукописях русского происхождения. Это одна из их наиболее характерных особенностей.

Установив происхождение писца, мы должны вернуться к вопросу о нижней хронологической границе создания кодекса. Если фигура христианина-болгарина для эпохи, предшествующей крещению Руси, достаточно естественна, то представить себе в эту эпоху опытного русского писца-христианина неизмеримо труднее. Всерьёз рассматривать гипотезу о том, что наш кодекс (который написан именно таким писцом) создан до крещения

Руси, можно было бы только в том случае, если бы отнесение его к более позднему времени почему-либо вызывало большие трудности. Поскольку в данном случае таких трудностей нет, естественно относить кодекс ко времени после крещения, причём добавить к этой дате как минимум несколько лет, необходимых для того, чтобы русский ученик превратился в опытного писца. Таким образом, наиболее вероятной нижней хронологической границей создания кодекса следует признать начало 990-х годов. В целом же памятник должен быть датирован началом 990-х – концом 1010-х гг. (причём наиболее вероятны конец X – первое десятилетие XI в.).

Итак, Новгородская псалтырь — самый ранний памятник церковнославянского языка русского извода. Написавший её мастер почти наверняка был свидетелем крещения Руси в 988–990 гг. Возможно, он был в это время ещё мальчиком. Можно представить себе даже, что он был из тех детей, которых сразу после крещения Руси отдали в книжное учение и по которым матери «плакали как по мертвецах». Поразительно, как быстро из этого первого поколения грамотных русских людей смог выйти столь опытный книжный мастер.

Важнейшая особенность графики Новгородской псалтыри состоит в том, что вместо двух разных букв — **ѣ** и **ѣ** — употребляется только одна, а именно **ѣ**. Это так называемая одноеровая графическая система, известная до сих пор на Руси лишь по нескольким фрагментам книжных памятников XI в. и некоторым надписям, а также по части берестяных грамот XI – I половины XII в. В отличие от большинства других книжных памятников, в Новгородской псалтыри одноеровая графическая система проведена со стопроцентной последовательностью. Графика Новгородской псалтыри свидетельствует о том, что вопреки традиционным представлениям в начальный период русской письменности одноеровая система играла весьма существенную роль.

Лишь позднее, во II половине XI в. (а как раз к этой эпохе относятся почти все известные до сих пор древнерусские памятники XI в.), одноеровая система была почти полностью вытеснена (по крайней мере в книжном письме) двуеровой, т.е. обычной для всей последующей русской письменности. Становится ясно, что даже Остромирово Евангелие, которое традиционно рассматривается как отражение «младенческого» состояния русской письменности, в действительности отражает уже значительно продвинутый этап её развития, а именно этап, когда в практике книжного русского письма уже решительно было отдано предпочтение той из двух пришедших извне графических систем, которая лучше соответствовала древнерусской фоновой системе. Заметим, что берестяные грамоты, сохраняющие, в силу их общего консерватизма, одноеровую систему дольше, чем все другие источники, оказались в очередной раз носителями древнейших особенностей русской письменности.

Весьма интересен вопрос о том, был ли кодекс написан в самом Новгороде или его привезли, например, из Киева. К сожалению, однозначных лингвистических признаков новгородского или киевского происхождения писца в тексте нет. Можно лишь отметить, что в тексте нет характерного для Новгорода смещения **ц** и **ч** (т.е. следов так наз. цоканья). В тексте имеется, правда, любопытная ошибка: **просвѣщаеси ты** вместо **просвѣщаеши ты**, которая в принципе могла бы быть проявлением характерного для псковских говоров смещения [с'] и [ш]. Однако в памятнике, где нет смещения **ц** и **ч**, единичное написание такого рода осторожнее всё же расценивать как ошибку под влиянием привычного сочетания **еси ты** (например, в силу контаминации с близким по смыслу **просвѣща еси ты**).

Текст кодекса представляет исключительный интерес также с точки зрения палеографии. Ведь, как мы уже говорили, почти все древнейшие рукописи не имеют

даты. А палеографы датируют такие рукописи исключительно на основе их сравнения с немногочисленными датированными. И вот перед нами новый памятник с достаточно узкой датой, причём самой ранней из имеющихся ныне (если не считать надписей). Понятно, что теперь именно Новгородская псалтырь станет новой точкой отсчёта для палеографических оценок и, возможно, приведёт к пересмотру многих из них.

Оказалось, что Новгородская псалтырь обнаруживает определённые палеографические сходства, с одной стороны, с книжными памятниками XI в., писанными на пергамене, с другой — с древнейшими берестяными грамотами. При этом, однако, нет полного совпадения ни с теми, ни с другими, т.е. письмо на воске обладало и определённой палеографической спецификой. Характерно, что в ряде пунктов, где Новгородская псалтырь расходится по палеографии с рукописями XI в. на пергамене (например, в начертании буквы **Р**), она вполне сходна с древнеболгарскими надписями X в. Кодекс позволил также понять, откуда взялись палеографические отличия берестяного письма от книжного, которые отмечаются с самого начала письменной эпохи, т.е. уже в берестяных грамотах XI в. Оказалось, что по крайней мере в части случаев эти черты «унаследованы» от письма на воске.

Интересные результаты сулит текстологическое сравнение Новгородской псалтыри с другими древнейшими, а также и более поздними псалтырями. Для полного осуществления этой работы потребуется длительное время, но уже сейчас можно сказать, что, во-первых, текст Новгородской псалтыри не совпадает полностью ни с одной из других известных псалтырей; во-вторых, в нём в большинстве случаев выступают варианты, свойственные самым древним спискам псалтыри; в-третьих, в целом ряде пунктов в нём обнаруживаются те варианты, которые характерны для псалтырей, писан-

ных именно на Руси (как древнейших, так и более поздних).

Текст на воске сохранился в Новгородской псалтыри столь превосходно, что его чтение не составляет особого труда. Но некоторые фрагменты растрескавшегося воска утрачены, и пришлось искать способы как-то восполнить образовавшиеся по этой причине лакуны. В ходе дополнительного обследования памятника удалось установить, что, помимо хорошо видимого текста на воске, кодекс содержит также некоторые следы других текстов — правда, столь слабые, что в течение первых недель работы над памятником они вообще не были замечены. Все эти тексты написаны тем же почерком, что и основной текст на воске.

Выше уже говорилось о следах затёртого прежнего текста, слегка различимых на пустых участках воска, а также между буквами нынешнего текста. Помимо этого выяснилось, что имеются следы надписей, процарапанных на верхних и нижних частях деревянных рамок, которые служат как бы полями для восковых табличек. Правда, дерево здесь очень сильно истёрто, так что от букв сохранились лишь некоторые едва различимые штрихи. Весьма трудная работа по выявлению этих штрихов привела, однако, к успеху: удалось прочесть надписи в шести участках этих рамок.

Открылся связный текст, переходящий с верхнего поля на нижнее и с одной страницы на другую. Это оказались указания о предназначении данной книги, плавно переходящие в слова высокого поэтического достоинства о благе чтения псалтыри. Вот этот текст в несколько осовремененной форме (но с сохранением ряда древних выражений)¹: «Псалтырь без чина службы и без всех часов², без отпевания душ, без от себя прогнания

всех³ людей, без отлучения алчущих знания. Сия книга псалтырь — сиротам и вдовицам утешение мирное, странникам недвижимое море, детям рабов неосуждаемое деяние».

Нет сомнения, что эти слова не сочинены писцом, а списаны с некоторого образца. Фраза «странникам недвижимое море» с очевидностью выдает византийское происхождение текста: только в морской стране быть странником означает путешествовать по морю. Но прямого аналога всего этого текста пока ещё ни в славянских, ни в византийских источниках не отыскано.

Дальнейший важный шаг в исследовании памятника состоял в том, что были обнаружены слабые отпечатки букв на деревянной подложке восковых табличек: давление от писала, врезающегося в слой воска нередко почти на всю его глубину, создавало в мягком дереве вмятины; в некоторых случаях оставались даже лёгкие царапины. Но выявление этих отпечатков ещё сложнее, чем чтение истёршихся надписей на дереве. Помимо трудности, связанной с тем, что сами отпечатки едва заметны, здесь встаёт проблема разделения разных записей, наложившихся друг на друга.

Эти трудности столь значительны, что достигнуть надёжного прочтения всех прежних записей кодекса, по-видимому, невозможно. Однако они всё же не настолько велики, чтобы оправдать полный отказ от попыток восстановить эти записи хотя бы частично и хотя бы с некоторыми элементами гипотетичности.

Крайне трудоёмкая и чрезвычайно медленная работа по распознаванию и распутыванию отпечатков букв на дереве уже дала некоторые важные результаты.

Прежде всего, удалось восполнить большинство лакун в основном тексте кодекса, возникших из-за утраты кусочков воска.

¹ Таким же условным способом — промежуточным между прямым цитированием и переводом — мы передаём ниже и прочие тексты кодекса.

² Часы — церковная служба, совершаемая в определённые часы четыре раза в день.

³ Т.е. каких бы то ни было.

Далее, внизу каждой страницы кодекса, ниже текста псалмов, обнаружили следы следующей формулы: «Пойте, пойте по два раза, славьте Бога». По правдоподобному предположению А.А. Турилова, это не что иное, как древний вариант перевода той же ритуальной формулы, которая в обычном православном богослужении имеет вид «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже». Если это так, то перед нами — уникальное свидетельство того, что на древнейшем этапе истории русской церкви ещё могли сосуществовать варианты перевода даже основных ритуальных формул.

Важную особенность найденной формулы составляет то, что в ней выступает слово разъ. Дело в том, что это древнерусское слово отсутствует в старославянском (равно как и в современных южнославянских языках). По-старославянски было бы сказано *дѣвашьды*, но никак не *дѣва разѧ*. Это значит, что использованная в кодексе формула возникла на русской почве.

Удалось прочесть также, хотя и без полной надёжности, по крайней мере некоторые части тех псалмов, которые были записаны в кодексе прежде его нынешнего текста. В ходе этой работы постепенно выяснилось, однако, что писец заполнял восковые страницы текстом не два раза, как представлялось на более раннем этапе исследования, а значительно больше. Было установлено, в частности, что в числе прежних текстов кодекса имелись и некоторые псалмы из первой кафизмы, т.е. из самого начала псалтыри. В далеко ещё не законченной работе над памятником этот его аспект подлежит дальнейшему тщательному изучению.

Самым важным результатом работы по распознаванию отпечатков на дереве оказалось открытие не известного донныне исключительно важного текста, который был помещён в нашей псалтыри перед самими псалмами и служил, таким образом, вступлением ко всей книге.

Этот текст, длиной в одну страницу, отчётливо делится на три части. Первая

из них — короткое вступление. Оно начинается словами: «Закон да познаешь христианского наказания». Слово *наказание*, разумеется, выступает здесь в своём древнейшем значении: «наставление», «поучение», «учение». *Закон* — здесь «канон», «основной принцип», «первооснова». В соответствии с этой формулой весь новонайденный текст уместно назвать «Закон христианского наказания».

Следующая фраза: «Я наставлен во спасение наставлением неземных словес». Вопрос о том, кто именно говорит здесь от первого лица, допускает несколько разных ответов. Судя по дальнейшему тексту, перед нами скорее всего слова, которые должен повторить за проповедником новообращённый; в этом случае принципиальная структура текста оказывается такой же, как в Символе веры (молитве «Верую») и в присягах.

Вторая часть — изречения, в конце которых сказано: «Таковы слова Иисуса Христа». Все они начинаются с «аз есмь»: «Аз есмь тайна несканная»; «Аз есмь истина и закон и пророки»; «Аз есмь истина и путь и стезя» и другие. Таких изречений десять, но большинство из них повторяется (через одну-две строки или даже подряд), так что получается 22 фразы. Нагнетающееся повторение одних и тех же или сходных формул создаёт впечатление магического заклинания.

Последняя часть — это вкладываемое в уста новообращённому язычнику торжественное заявление об отказе от идолослужения и преданности учению Христа: «Да будем работниками ему (Иисусу Христу), а не идольскому служению. От идольского обмана отвращаюсь. Да не изберём пути погибели. Всех людей избавителя Иисуса Христа, над всеми людьми приявшего суд, идольский обман разбившего и на земле святое своё имя украсившего, достойны да будем». Фразы, построенные в первом лице множественного числа («да будем...» и т.д.), могли бы исходить и от проповедника, обращающегося к своим слушателям, но единствен-

ное число в «отвращаюсь» показывает, что перед нами слова, которые должен произнести новообращённый.

Ни в славянских, ни в византийских источниках до настоящего момента данного текста не обнаружено. Ясно, что перед нами сочинение, обращённое к людям, стоящим ещё лишь на пороге принятия новой веры или принявшим её совсем недавно и ещё во многом связанным с язычеством. Вероятно, заклинательное звучание настойчиво повторяющихся формул было призвано прямее воздействовать на эмоциональный строй язычников, нежели догматическое содержание проповеди.

Существенно, что из изречений, приписываемых здесь Христу, лишь некоторые содержатся в канонических Евангелиях. Прочие несомненно восходят к апокрифической литературе. Возможно, именно

поэтому данное сочинение не закрепилось в церковной традиции и со временем было предано забвению.

Перед нами открывается, таким образом, доньше неизвестная глава из самого начального периода распространения христианства на Руси.

Итак, новооткрытый памятник — это самая древняя из дошедших до нас книг Древней Руси, самая ранняя из удовлетворительно датированных славянских книг. Она несомненно займёт почётное место в истории русской письменности и культуры и привлечёт к себе пристальное внимание со стороны специалистов многих наук — историков, археологов, лингвистов, палеографов, текстологов.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 153–164)

Novgorod Psalter of Early 11th Century: Earliest Russian Book (Novgorod, 2000)

Andrey Anatolievich Zaliznyak — RAS academician, Doctor of Science (Philology).

Valentin Lavrentievich Yanin — RAS academician, Doctor of Science (History), one of the founders and board members of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (1996–2003), holder of the Lomonosov Gold Medal of the Russian Academy of Sciences.

The article explores the Novgorod Archaeological Expedition's 2000 discovery of the Novgorod Psalter, the oldest surviving book of Ancient Russia and the first reliably dated Slavonic book inscribed on three wax tablets. The book was written between late 10th century and the first two decades of the 11th century. The researchers make two important conclusions: the writer's native language was Old Russian, and the text reflects the influence of apocryphal literature.

Keywords: birch bark manuscript, ancient code, linden tablets, wax tablet writing, cerae, stylus, radiocarbon analysis, Russian Church Slavonic, one-jer graphic system, paleography, ceremonial formulas, translation versions, paganism connections, apocryphal literature